

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

Выпуск 41(57)
2016

СОДЕРЖАНИЕ

**О НЕЛЕГКОЙ СУДЬБЕ КОНТРОЛЯ НАД ОБЫЧНЫМИ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ В ЕВРОПЕ (КОВЕ)**

Михаил Ульянов

**О СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ В РОССИЙСКОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ**

Владимир Чернега

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
КОМПРОМИСС МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ?**

Наталья Ромашкина

ЗОНА РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ: ГАГАУЗИЯ

Татьяна Биткова

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

О НЕЛЕГКОЙ СУДЬБЕ КОНТРОЛЯ НАД ОБЫЧНЫМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ В ЕВРОПЕ (КОВЕ)

Михаил Ульянов,

*директор Департамента по вопросам нераспространения
и контроля над вооружениями МИД РФ*

Ключевые слова: контроль над обычными вооружениями, блоковый подход, фланговые ограничения, ДОВСЕ

В рамках ведущейся Западом информационной войны против России время от времени «пробрасывается», среди прочего, и утверждение об «ответственности Москвы за развал Договора об обычных вооруженных силах в Европе» (ДОВСЕ). Обоснованием этого броского тезиса никто себя не утруждает, считая, видимо, достаточной ссылкой на то, что именно Россия приостановила выполнение этого соглашения. Между тем для адекватного восприятия этого решения не мешало бы поинтересоваться, что ему предшествовало, и имелись ли у России основания для такого неординарного шага.

Напомним, что с момента вступления Договора в силу основная нагрузка в его осуществлении легла на Россию. Нам нужно было уничтожить наибольшее количество вооружений и обеспечить прием наибольшего количества инспекций. Сделать это было очень трудно, поскольку в 90-е годы Россия испытывала колоссальные экономические и социальные трудности. Достаточно сказать, что зачастую государство не могло найти средства для выплаты пенсий. Тем не менее все обязательства мы выполнили, доказав тем самым свою приверженность режиму контроля над вооружениями. Уместно отметить, что от многих других государств выполнение Договора особых усилий не потребовало.

Одновременно Россия терпеливо добивалась приведения Договора в соответствие с новыми реалиями, которые в пору было квалифицировать как коренное изменение обстоятельств. Ведь в основе ДОВСЕ лежал блоковый подход, а к моменту его вступления в силу один из блоков – Организация Варшавского договора – прекратил

существование. Не стало и СССР. В результате устаревшие положения оказались крайне неблагоприятными для России. Это стало диктовать, прежде всего, необходимость корректировки положения дел на флангах, где мы столкнулись с огромными проблемами. Только в 1996 г. удалось найти промежуточное решение, уменьшив размеры флангового района на территории России. В качестве «платы» за это от нас потребовали предоставления дополнительной полугодовой информации и приема до десяти сверхквотных инспекций, что Договором не предусмотрено. И мы до 2007 г. продолжали выполнять эти обязательства, хотя к тому времени компромисс 1996 г. давно уже был нарушен Североатлантическим альянсом в результате расширения.

Только в 1999 г. удалось выйти на Соглашение об адаптации ДОВСЕ, но оно так и не вступило в силу. Страны – участницы НАТО не выполнили свои стамбульские обязательства о его скорейшей ратификации и начали увязывать последнюю с выполнением Россией различных условий. Вначале было выдвинуто требование вписаться во фланговые ограничения по адаптированному ДОВСЕ. Но когда Россия вышла на этот рубеж, последовало новое требование – проявить дополнительную транспарентность и предоставить данные о выводе войск с Северного Кавказа, которые можно было бы проверить и по итогам проверки доложить парламентам стран – участниц ДОВСЕ. Эта просьба была частично удовлетворена, но ситуация вокруг ратификации не изменилась. После этого в 2002 г. в консолидированной позиции альянса появилась увязка между ратификацией и «полным выполнением» Россией стамбульских обязательств по Грузии и Молдове. Никакой юридической необходимости в данной увязке не было. Это было сугубо политическое решение. Судя по всему, оно базирова-

лось на посыле о том, что Россия настолько заинтересована в ДОВСЕ, что Договор можно использовать для бесконечного давления на нее. Данный посыл оказался стратегическим просчетом.

К решению о моратории, среди прочего, нас подтолкнуло и то обстоятельство, что альянс так и не захотел пояснить, что он понимает под «полным выполнением стамбульских обязательств». В НАТО возобладало стремление сохранить возможность выдвижения России все новых и новых требований.

В позиции альянса ярко проявились двойные стандарты. Стамбульские обязательства по Грузии носили двусторонний характер, но в НАТО почему-то обращали внимание только на те из них, которые касались России. При этом альянс спокойно реагировал на появление в грузинской позиции все новых и новых требований к России. «Последней каплей» стало требование о выселении военных пенсионеров и членов их семей из жилого городка бывшей российской базы в Гудауте. Никто от этого не дистанцировался и даже не вспомнил в этой связи о правах человека, правах ребенка и вообще о том, что в цивилизованном обществе не принято вовлекать стариков и детей в политические игры. Такая двусмысленная позиция государств – членов НАТО лишь поощряла Тбилиси и Кишинев к наращиванию требований к России и окончательно лишала адаптированный ДОВСЕ всяких перспектив на ратификацию.

В рамках Совета Россия – НАТО (СРН) Россия и страны – участницы НАТО неоднократно договаривались работать в пользу скорейшего вступления в силу Соглашения об адаптации. Но в альянсе ничего конкретного в этом направлении не сделали, за исключением, пожалуй, Германии, которая попыталась предложить свои посреднические услуги в нахождении развязок по Гудауте.

Все это было бы еще полбеды, но, затягивая вступление в силу адаптированного ДОВСЕ, альянс одновременно пошел на дальнейший слом согласованных балансов в результате расширения. В НАТО вошли три страны Балтии, которые при этом стали фактически «серой зоной», оставаясь вне рамок режима контроля над вооружениями в Европе. Членами альянса стали также расположенные на фланге Болгария и Румыния. Фактически они перешли в группу стран, присоединившихся к Вашингтонскому договору 1949 г., причем, как и другие новые члены НАТО, почему-то «забыли» совершить формальные процеду-

ры, связанные с этим переходом. При этом нас пытались убедить в том, что Румыния и Болгария вместе с Россией «уравновешивают» военный потенциал 16 государств, входивших в НАТО в 1990 г. Это уже было откровенным издевательством над здравым смыслом.

В результате расширения фланговые страны НАТО существенно превысили установленные для них лимиты. К 2007 г. излишки составили по боевым танкам – 1254 ед., по боевым бронированным машинам – 2691 ед., по артиллерии – 1590 ед. Избежать этого нарушения государствам – членам альянса могло бы помочь вступление в силу адаптированного ДОВСЕ, но они сами, как это ни абсурдно, задержали его ратификацию.

Все перечисленное в совокупности дало нам более чем достаточные основания полагать, что ДОВСЕ превратился из механизма контроля над вооружениями в инструмент достижения односторонних военно-политических преимуществ и обеспечения геостратегических интересов отдельных натовских стран.

По сути, у нас не осталось иного выбора, кроме как приостановить выполнение российских обязательств по ДОВСЕ. 13 июля 2007 г. был подписан Указ Президента России «О приостановлении Российской Федерацией действия ДОВСЕ и связанных с ним международных договоров». Реализация соответствующих нормативных актов началась 12 декабря 2007 г.

Следует подчеркнуть, что выбор в пользу моратория, а не выхода из ДОВСЕ был сделан специально для того, чтобы дать шанс на выживание режиму контроля над вооружениями в Европе. По этим же соображениям мы остались в Совместной консультативной группе по ДОВСЕ, рассчитывая использовать эту площадку для выработки договоренностей по преодолению кризиса. Эти ожидания оказались тщетными. Наши западные партнеры фактически отказались обсуждать там субстантивные вопросы. Европейские члены НАТО, привыкшие именовать ДОВСЕ не иначе как «краеугольным камнем европейской безопасности», предпочли самоустраниться и делегировать США полномочия на ведение переговоров с Россией.

В 2007–2010 гг. состоялась серия двусторонних российско-американских, а затем и многосторонних встреч по преодолению кризиса вокруг ДОВСЕ. США в качестве отправной точки для диалога с Россией выдвинули концепцию «параллельных действий» (некоторые члены альянса приступают к ратификации Соглашения об адап-

тации, а Россия принимает определенные меры в отношении своего военного присутствия в Приднестровье и на бывшей российской военной базе в Гудауте). Отмечая несбалансированность данной концепции, российская сторона, тем не менее, продолжала работу с партнерами по конкретному наполнению «пакета». В мае 2009 г. Россия представила памятную записку «Восстановление жизнеспособности ДОВСЕ: путь вперед», в которой были детально изложены российские подходы к пакетному решению.

В середине 2010 г. в Вене был дан старт многосторонним неформальным консультациям представителей 36 государств (участники ДОВСЕ плюс шесть новых членов НАТО – Албания, Латвия, Литва, Словения, Хорватия, Эстония) с целью выработки краткой рамочной договоренности о начале переговоров по укреплению и модернизации режима КОВЕ (контроль над обычными вооружениями в Европе). Российская сторона внесла ряд предложений, направленных на достижение взаимоприемлемого решения и открывших возможность согласования «рамки». Однако некоторые участники консультаций выдвинули предварительные условия для начала переговоров по существу. Согласованию документа тогда воспрепятствовали два основных проблемных вопроса. Во-первых, Грузия при поддержке США и других стран НАТО стремилась зафиксировать в нем принцип согласия принимающей стороны на размещение иностранных сил на ее территории в «международно признанных границах» (это подразумевало бы признание принадлежности Южной Осетии и Абхазии к Грузии и, следовательно, необходимость согласия Тбилиси на российское военное присутствие). Во-вторых, США и другие страны НАТО настаивали на «обеспечении транспарентности до и в период переговоров», что фактически означало бы отмену законодательно установленного российского моратория на участие в ДОВСЕ.

В результате и эти консультации «в формате 36» весной 2011 г. усилиями американцев были заведены в тупик. На наше предложение приступить к переговорам без предварительных условий представитель США В. Нуланд фактически ответила требованием отказа России от признания независимости Абхазии и Южной Осетии. Без этого, мол, ни о каких переговорах не может быть и речи. Реалистичной такую позицию назвать нельзя. Скорее это была осознанная линия на срыв переговоров.

Через какое-то время натовские страны начали подготовку к возобновлению переговорного процесса, пообещав предоставить новые предложения. На их согласование страны альянса потратили несколько лет и в конечном счете, насколько нам известно, подготовили некий позиционный документ. Судить о его качестве мы не можем, поскольку в альянсе решили не передавать эту бумагу «внеблоковым государствам», включая Россию, «до нормализации обстановки вокруг Украины».

Как следствие, ситуация остается тупиковой. Западные партнеры по сути взяли на себя политическую ответственность за отсутствие прогресса на этом направлении.

Прервать паузу будет нелегко: на вопрос «что должно произойти, чтобы она закончилась?» однозначного ответа у стран НАТО нет. Поэтому «выжидательная» позиция альянса может растянуться на годы.

Мы со своей стороны с учетом печального опыта воздерживаемся от выдвижения каких-либо инициатив в области КОВЕ. При этом обозначаем готовность к возобновлению диалога, если и когда страны НАТО согласятся деполитизировать свои подходы и действовать на основе учета интересов всех государств-участников, включая Российскую Федерацию.

Пока этого не произошло. Вместо этого идут другие процессы. Мы видим лишь поступательную реализацию решений Уэльского саммита НАТО, имеющих четкую антироссийскую направленность; блокирование военного сотрудничества с нами в СРН; возвращение «тяжелого» военного присутствия США в Восточную Европу; продолжение подготовки кандидатов на вступление в альянс; завершение второй фазы реализации поэтапного адаптивного подхода к ПРО в Европе; программу модернизации американского НСЯО на европейском континенте и так далее.

В НАТО завершается проработка вопроса о размещении четырех батальонов (около 4000 военнослужащих) ряда стран альянса в государствах Балтии и Польше. Кроме того, в целях оснащения континентов США с 2015 г. обустривают в ЦВЕ и Прибалтике склады передового базирования, на которых запланировано разместить бригадный комплект американской боевой техники – порядка 1300 единиц, в том числе тяжелой – около 240 танков, БМП и САУ. В планах США также обеспечить непрерывное, начиная с февраля 2017 г., ротационное присутствие полностью ос-

нащенной тяжелой механизированной бригады (около 4200 человек) в этом регионе.

Такие шаги, сопровождаемые враждебной риторикой, ведут к росту военной напряженности и чреватые серьезными осложнениями в сфере европейской безопасности. К тому же возникают вопросы в отношении приверженности альянса обязательству о размещении существенных боевых сил на территории его новых государств-членов, зафиксированному в Основополагающем акте 1997 г. Интересно, просчитывали ли в НАТО, каким образом вышеназванные шаги повлияют на перспективы восстановления контроля

над обычными вооружениями в Европе? Весьма сомнительно, что это влияние окажется позитивным. Ясно одно: в условиях нагнетания антироссийских настроений в Европе, ужесточения курса НАТО и наращивания альянсом военной активности поблизости от наших границ продуктивные переговоры по КОВЕ невозможны. О них можно будет говорить только в контексте восстановления адекватного уровня доверия, нормализации отношений с Российской Федерацией, в том числе в сфере военного сотрудничества по линии Россия – НАТО.

О СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ В РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Владимир Чернега,

*Чрезвычайный и Полномочный Посланник,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН*

Ключевые слова: стратегическое видение, военное вмешательство, интересы, геополитические противоречия, конфронтация

Общепризнано, что активная многовекторная и прагматичная внешняя политика России позволяет в определенной степени компенсировать на международной арене ее недостаточную экономическую мощь, в частности перед лицом Запада. Большая заслуга в этом принадлежит российской дипломатии – одной из самых квалифицированных в мире. Ее успехи на ряде направлений несомненны, а министр иностранных дел России С.В. Лавров пользуется заслуженным авторитетом как в России, так и за рубежом.

При всем этом российскую внешнюю политику нельзя назвать однозначно успешной. Достаточно вспомнить Украину, где Россия потерпела самое крупное геополитическое поражение за свою постсоветскую историю, хотя длительное время субсидировала экономику этой страны. Напротив, Соединенные Штаты, вложившие, по

признанию помощника государственного секретаря В. Нуланд, в «развитие украинской демократии» скромную для них сумму в 5 млрд долл., добились здесь своих стратегических целей, в частности, вбив клин между Россией и Украиной, между Россией и Европой.

Именно поражение на Украине наиболее ярко высветило главный недостаток российской внешней политики – дефицит стратегического видения. Автор этих строк в одной из своих статей уже высказывал убеждение, согласно которому украинского кризиса (по крайней мере, в его нынешней острой форме) можно было бы избежать, если бы при формировании внешнеполитического курса на этом направлении учитывались глубинные тенденции, проявившиеся в украинском обществе задолго до известных событий 2013–2014 гг. Игнорирование их привело к тому, что за определенными тактическими успехами (в частности, договоренностями по газу и по Черноморскому флоту) последовал стратегический провал российско-украинских отношений, не говоря уже

о конфронтации с Западом¹. Масштабы и глубина этой конфронтации, судя по всему, также оказались для российской власти неожиданными.

Подобное развитие событий противоречит важнейшим интересам России. Но вряд ли его можно остановить, сползая к принципу «око за око, зуб за зуб». Нынешние украинские власти под предлогом «цивилизационного выбора в пользу Европы» сознательно обрубая связи своей страны с Россией, не только политические и экономические, но также культурные и даже обыденные, между людьми. К сожалению, такие российские меры, как запрет на полеты в РФ для украинских компаний, пусть даже в ответ на соответствующий шаг Киева, или исключение в одностороннем порядке Украины из преференций в рамках зоны свободной торговли СНГ объективно подыгрывают этому курсу.

Российские власти, судя по всему, рассчитывают, что экономические трудности рано или поздно приведут к появлению в Киеве более прагматичного правительства. Может так и случиться, но в стратегической перспективе судьба российско-украинских отношений предопределяется сейчас в детских садах, школах и университетах, где происходит интенсивная «промывка мозгов» в антироссийском духе. Противостоять этой политике можно только одним способом – делая все для сохранения и развития экономических, научных, культурных, семейных и межличностных связей. В соответствующей перестройке нуждается и российская пропаганда, которая должна сближать, а не отдалять наши народы.

Украинский пример, как показано ниже, не единственный. К сожалению, есть много оснований считать, что российская политика все еще не основывается на стратегическом упреждении. Она скорее является политикой реагирования, использования просчетов противников или конкурентов. Стоит подчеркнуть, что, например, на Среднем и Ближнем Востоке российские достижения во многом являются результатом колоссальных ошибок, допущенных Соединенными Штатами и их союзниками в Афганистане, Сирии, Ираке, Ливии. Здесь российский прагматизм, элементарный здравый смысл получили очевидное преимущество в столкновении с чрезмерно идеологизированной внешней политикой Запада.

Вместе с тем российское военное вмешательство в Сирии все же поставило вопрос о соотношении стратегии и тактики. Успех тактического характера здесь несомненен. Прежде всего, Россия вынудила США и их союзников больше считаться с собой, она даже получила поддержку части западного общественного мнения, встревоженного угрозой воинствующего исламизма. Однако стратегического перелома в отношениях с Западом это не принесло, да и вряд ли могло принести.

Главная причина состоит в том, что влиятельные круги в Соединенных Штатах (за которыми следуют западноевропейские государства) из-за экономической и технологической слабости России считают ее угасающей державой, отступление которой с нынешних позиций в Сирии или на Юго-Востоке Украины – лишь вопрос времени. Кроме того, на почве нынешней конфронтации эти круги в какой-то мере отвлеклись от китайского фактора, который объективно может привести к пересмотру взгляда на важность отношений с Россией. В случае избрания президентом США Д. Трампа, который, судя по его заявлениям, считает, что главная угроза американским интересам в мире исходит от Китая, какие-то более значительные, чем сегодня, подвижки в них возможны. Пока, однако, это не более чем предположение, да и неординарность персонажа побуждает к осторожности.

Неясна также и стратегическая перспектива российского вмешательства как в самой Сирии, так и на уровне региона, напоминающих одновременно осиное гнездо и пороховую бочку. Во всяком случае, вопрос о своевременном выходе России из продолжающейся там войны по-прежнему остро стоит в повестке дня.

Главное, однако, что и за тактический успех России уже пришлось заплатить очень серьезную цену. Речь идет не только о человеческих и экономических потерях. Объективно она, не желая этого, вмешалась в религиозные и геополитические распри, имевшие место в регионе на протяжении веков. Один негативный результат этого уже налицо – совершенно ненужная и весьма опасная для российских интересов конфронтация с Турцией, постепенно приобретающая тотальный характер. С учетом заявляемых ранее обеими сторонами отношений «стратегического партнерства» нельзя не задуматься о том, была ли эта конфронтация неизбежной. Конечно, за упомянутыми отношениями скрывались серьезные геополитические противоречия, к примеру, на Южном Кав-

¹ Подробнее см.: Россия в глобальной политике, 2015. Июль-август. С. 138–150.

казе, да и военную акцию России в Сирии Турция восприняла как посягательство на ее интересы и планы. Иными словами, «стратегическое партнерство» было довольно хрупким. Но именно это заставляет задаться вопросом, насколько продуманной была российская реакция на инцидент со сбитым российским самолетом.

Конечно, уничтожение самолета, повлекшее за собой подлое убийство российского летчика (а затем гибель еще одного российского военнослужащего) требовали безусловного осуждения. Этот враждебный акт не мог и не должен был остаться без последствий для турецкой стороны. В числе мер, принятых Россией, было, как известно, размещение на территории Сирии современных средств ПВО, что вынудило Турцию отказаться (по крайней мере, на какое-то время) от планов создания в этой стране так называемой «бесполетной зоны», которая могла быть стать плацдармом для наземного вмешательства.

В целом, однако, российская реакция кажется эмоциональной. Между тем, в международных отношениях, которые являются сферой повышенного цинизма, проявления эмоций допускаются лишь в случаях, когда они могут принести какой-то результат. Вряд ли можно считать таковым для России углубляющуюся конфронтацию с единственным государством НАТО, не только не поддержавшим антироссийские санкции, но и продолжавшим работать над совместными проектами стратегического характера (газопровод «Турецкий поток», строительство Росатомом АЭС в этой стране). Конфронтация, с одной стороны, побудила Турцию к более тесному сотрудничеству с США, НАТО и ЕС, хотя ранее турецкое руководство пыталось вести более самостоятельную политику по отношению к ним, что соответствовало интересам России. С другой стороны, Анкара активно пытается сейчас вредить России в Центральной Азии, на Кавказе, на Украине, в Крыму.

Разумеется, и следует это подчеркнуть еще раз, основную ответственность за сложившуюся ситуацию несет турецкое руководство. Однако усугублять ее – не в интересах обеих сторон. Напротив, возобновление сотрудничества, пусть даже не в прежней теплой атмосфере, соответствует их стратегическим потребностям. К счастью, появились робкие признаки того, что обе стороны начали задумываться над тем, как ослабить напряженность. Однако остановить раскрученный маховик конфронтации будет уже непросто.

Вопрос о соотношении стратегии и тактики встает также применительно к Балтийскому региону. В ответ на усиление здесь военного присутствия НАТО Россия объявила о развертывании на северо-западном направлении трех дивизий, она более активно обозначает свое собственное присутствие (в том числе и с помощью таких акций, как демонстративные облеты корабля и разведывательного самолета США). Основания для этих действий есть. НАТО, пользуясь фантомными страхами Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, под надуманным предлогом «угрозы российского вторжения» пытается более прочно утвердиться в регионе, заодно подтянуть «атлантическую дисциплину» среди своих членов, добиться увеличения их военных расходов.

При всем этом, как признают и российские военные эксперты, развертываемые НАТО силы и средства пока еще реальной угрозы России не представляют. Реагируя на них столь масштабно и подчас вызывающе, она объективно подыгрывает и натовским стратегам, и тем кругам в Польше и государствах Балтии, которые еще с 90-х годов пытаются убедить другие европейские страны сплотиться перед лицом «российской угрозы» и требуют усиления и расширения НАТО. В связи с этим стоит обратить внимание на ситуацию в пока нейтральных Финляндии и Швеции, где (особенно в Швеции) преднамеренно нагнетается атмосфера страха перед «агрессивной Россией», с тем чтобы склонить общественное мнение в пользу присоединения этих стран к НАТО.

Проблема стратегического видения приобретает также большую актуальность в результате активно рекламируемого сейчас «поворота России на Восток», включающего в себя, с одной стороны, усиление интеграции в ЕАЭС, с другой стороны, геоэкономическое и геополитическое сближение с Китаем. К сожалению, рассмотреть более или менее подробно эту сложную и многогранную тему в рамках данной статьи не представляется возможным. Но один принципиальный аспект, связанный именно с предвидением, следует обозначить. Сама по себе активизация российской политики на восточном направлении не может вызывать особых вопросов. Существует ряд объективных и субъективных факторов, которые подталкивают к этому – от формирования в регионе АТР новых центров экономической мощи и, соответственно, появления там новых экономических перспектив до экономического и геополитического давления на Россию со стороны США и их со-

юзников. Давно назрела и необходимость усилить развитие российского Дальнего Востока.

Однако российские власти придают указанному «повороту» чуть ли не экзистенциальное значение. Он должен не только позволить решить нынешние экономические трудности страны, преодолеть глобальное технологическое отставание от Запада, но и превратить ее в геополитический центр Евразии. Вкупе с естественными в нынешней ситуации антизападническими и антиевропейскими настроениями это привело даже к появлению установки на формирование в стране особого «евразийского мировоззрения» и, соответственно, особой «евразийской идентичности».

Даже если оставить в стороне нереалистичность попыток изменить таким образом вековые цивилизационные основы России, которая по культуре все-таки в основном принадлежит к Европе (это признается как европейскими, так и азиатскими странами), нельзя не задаться вопросом, как авторы этих планов представляют себе грядущее соотношение ролей на евразийском пространстве между РФ и Китаем. Стоит ли напоминать о разнице в численности их населения, об огромном преимуществе Китая в экономической мощи, которое к тому же не перестает увеличиваться, о быстром росте его военного могущества? ЕАЭС с совокупным ВВП в 2,5 трлн долл. при всей его полезности противовесом Китаю с ВВП в 14 трлн долл. быть не может. При этом Китай вряд ли способен стать в обозримом будущем существенным источником новых технологий для российской экономики, он сам пока не может обойтись без технологической подпитки с Запада. Конечно, определенную, может, даже значительную пользу от участия в китайских проектах, в частности в рамках «Экономического пояса шелкового пути», Россия должна получить, но это не решит ее основных экономических проблем. В то же время угроза ее вассализации Китаем просматривается все отчетливее.

В любом случае этот вопрос, как и многие другие, нуждается в тщательном неидеологизированном анализе, основанном не на желаниях и эмоциях, а на реалиях. Результатом его должен быть стратегический прогноз, рассчитанный на достаточно длительную перспективу, а также предложение по выработке упреждающих стратегий.

Очевидно, что здесь не обойтись без тесного взаимодействия практики с наукой. В бюрократическом аппарате заложена объективная тенденция – «решать проблемы по мере их поступления», т.е. концентрироваться на сегодняшнем

дне. На прогнозирование ситуаций, которые могут появиться в будущем вследствие глубинных и пока еще малозаметных процессов в мировой экономике и политике, в обществах тех или иных стран, обычно не остается ни времени, ни ресурсов. Это особенно характерно для стран, где бюрократический аппарат является абсолютно доминирующей силой.

Конечно, установление эффективной связи между внешнеполитической практикой и научно-исследовательской сферой – задача сложная, уже только из-за различий в манере работать и даже излагать свои мысли ученых и практических работников. Автор, работавший и в науке, и на дипломатической службе, знает об этом не понаслышке. Вместе с тем в случае тесного взаимодействия между ними может появиться и другая опасность, когда профессиональные исследователи вместо научного анализа начинают предлагать разработки, направленные на обслуживание узкопрагматичной или идеологизированной позиции властей. Это, в частности, характерно для США, где профессора университетов становились даже государственными секретарями или помощниками президента по национальной безопасности. При этом, однако, они проводили в жизнь политику, основанную на узкопонимаемых национальных интересах и (или) откровенно идеологических установках.

Тем не менее связь практики с наукой является жизненной необходимостью, особенно когда речь идет о выработке внешнеполитической стратегии на длительную перспективу. Но, разумеется, такая установка несовместима с принижением роли науки, которая наблюдается сейчас в России, не говоря уже о неприятии властью естественных для научной среды альтернативных точек зрения, не вписывающихся в нынешний внешнеполитический «мейнстрим».

Возвращаясь в заключение к вопросу о соотношении стратегии и тактики, следует подчеркнуть, что для России с ее ограниченными возможностями в области экономических и человеческих ресурсов и при отсутствии союзников, достойных этого имени, предвидение и выработка выверенных упреждающих стратегий становится одним из условий выживания в качестве великой державы.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КОМПРОМИСС МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ?

Наталья Ромашкина,

*руководитель Группы проблем информационной безопасности ЦМБ ИМЭМО РАН
им. Е.М. Примакова, член-корреспондент АВН РФ*

Ключевые слова: информационная безопасность, информационная революция, киберугрозы, киберзависимость, кибертерроризм

Ускоренное создание и внедрение новых информационных технологий – «информационная революция» – стали началом нового периода в развитии человечества к концу XX в. С одной стороны, этот процесс является естественным этапом научно-технического прогресса и стал необходимым условием дальнейшего развития общества. С каждым годом информационные технологии открывают все более широкие перспективы для повышения эффективности экономики и качества жизни людей. С другой стороны, дальнейшее развитие вычислительной техники и новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в XXI в. привело к закономерному процессу создания новых методов их применения в деструктивных целях, направленных против отдельных лиц, групп и, наконец, против структур управления государством, экономикой и вооруженными силами.

По выражению известного американского политолога Джозефа Ная, «Та страна, которая возглавит информационную революцию, и будет обладать большей силой по сравнению со всеми другими странами»¹. Кроме того, мировой опыт показывает, что конкурентоспособность национальной экономики в целом связана с развитием информационных технологий. По данным Всемирного экономического форума, индекс конкурентоспособности экономики государств имеет высокий уровень корреляции с индексом развития ИКТ. Вероятно, именно поэтому сегодня в киберпространстве идет жесткая борьба за роли в этой «революции».

¹ Nye, Joseph S. 2014. The Information Revolution and Soft Power. *Current History* 113(759): 19–22.

Вредоносные и опасные информационные технологии требуют постоянного мониторинга и анализа, а для обеспечения устойчивого и прогрессивного использования информационных технологий необходимы новые механизмы, выработанные совместно мировым сообществом.

Соединенные Штаты являются безусловным мировым лидером в области производства и торговли информационными технологиями и услугами. США играют доминирующую роль в использовании важнейших средств связи, таких как спутниковое наблюдение, прямое вещание, высокоскоростные компьютеры, а также обладает уникальными возможностями в интегрировании сложных информационных систем. Это преимущество используется для сдерживания и нейтрализации традиционных военных угроз при экономии затрат. В мире, где изменился смысл понятий сдерживания, ядерного «зонтика» и неядерного «устрашения», такое превосходство способно существенно влиять на все современные мировые процессы. При этом Соединенные Штаты еще в конце 90-х годов прошлого века рассматривали возможности «использования своих информационных ресурсов для вовлечения Китая, России и других крупных государств в диалог по вопросам безопасности, тем самым не давая им занять враждебную позицию»². С тех пор отношения США и России не раз менялись, но эта цель по-прежнему остается актуальной. На текущий момент 2016 г., по данным Агентства Bloomberg, США по-прежнему являются лидером среди самых высокотехнологичных и инновационно развитых стран³.

² Lindsey J. Borg, Program on Information Resources Policy: The Department of Defense and Strategic Communication, February 2008.

³ Топ-10 Самые инновационно развитые страны мира 2016, (<http://top10i.ru/top-10-samyie-innovacionno-razvitye-strany-mira-2016/>).

Возможности России значительно скромнее. Доля российских компаний на мировом рынке услуг в области информационных технологий составляет около 1%¹, причем эти компании больше сосредоточены в секторе аутсорсинга. Однако РФ наряду с США и Китаем является одной из немногих стран в мире, в которой могут быть созданы новые компании – лидеры в этой сфере международного рынка. В последние годы более 10 российских компаний попали в международные рейтинги и отмечены международными премиями². По оптимистичным прогнозам, в ближайшие 10 лет сфера ИКТ России может возрасти в несколько раз.

Однако есть и общие для России и Запада тенденции. Так, РФ, США и крупнейшие страны Европы уже несколько лет занимают первые места по количеству кибератак на их территории. Такая же ситуация и в отношении угроз: США много лет занимали первое место в списке стран – источников кибератак, а в последние годы они делят лидерство с Россией. Так, Джеймс Льюис, эксперт по киберугрозам из Центра стратегических и международных исследований (CSIS), недавно заявил в интервью аналитическому веб-сайту США: «российские хакеры, фактически, ровня нам в киберпространстве»³.

В начале XXI в. вопросы кибербезопасности вышли на уровень дипломатических ведомств и высших руководителей государств. В 2015 г. были подписаны соответствующие документы между РФ и КНР, КНР и США, КНР и Великобританией, в рамках которых страны обязуются не только сотрудничать, но и не допускать атаки друг на друга. Активно обсуждаются недавние поправки к Вассенаарским соглашениям по ограничению экспорта шпионского программного обеспечения. Одной из главных тем 2015 г. стало также использование незащищенных почтовых сервисов различными политиками по всему миру, включая бывшего (на время событий – действующего) госсекретаря США Х. Клинтон.

Эти и другие факторы, главным среди которых является взаимное осознание киберуязвимости,

безусловно, доказывают необходимость взаимодействия России и Запада в процессе обеспечения информационной безопасности. Оптимизма в этом отношении добавляют российско-американские переговоры по кибербезопасности на высоком уровне, которые состоялись в Женеве 21–22 апреля 2016 г. Одной из основных тем встречи должно было стать выполнение подписанной президентами России и США в 2013 г. серии соглашений о мерах доверия, главным из которых стало создание между Москвой и Вашингтоном горячих линий по предотвращению эскалации киберинцидентов, и «замороженных» в течение трех лет. На переговорах, состоявшихся в этом году, обсуждались все аспекты информационной безопасности, взаимодействие на международных форумах, совместная борьба с применением ИКТ террористами, и самое главное – взаимное желание предотвращать конфликты. Речь пошла и о выдвинутой Россией идее выработки договоренностей, связанных с предотвращением инцидентов в ИКТ-сфере. Это можно оценивать как качественно новое продвижение вперед.

Россия стала инициатором международного обсуждения возникших проблем в ИКТ-сфере в конце XX в., когда в 1998 г. предложила Соединённым Штатам подписать на уровне президентов заявление по вопросам обеспечения информационной безопасности. Проект документа предусматривал совместное определение вызовов и угроз; выработку понятийного аппарата; вынесение этого вопроса на рассмотрение ООН, включая разоруженческие аспекты проблемы; разработку международного многостороннего договора о борьбе с информационным терроризмом и преступностью. Обсуждение проекта не привело к однозначному сближению сторон, однако термин «информационная безопасность» был упомянут в «Совместном заявлении об общих вызовах безопасности на рубеже XXI века», подписанном президентами РФ и США в сентябре 1998 г. В том же году в адрес Генерального секретаря ООН было направлено специальное Послание по проблеме международной информационной безопасности министра иностранных дел РФ, в котором указывалось на необходимость предотвращения появления принципиально новой – информационной – сферы конфронтации и развязывания принципиально новых конфликтов. Эта инициатива получила практическую реализацию в проекте Резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», внесенном Россией на рассмотрение Первого комитета ГА ООН. Резолюция ГА

¹ Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года. № 2036-р, ([http:// minsvyaz.ru/ru/documents/4084/](http://minsvyaz.ru/ru/documents/4084/)).

² Там же.

³ The Cyber Threat: Obama's Diplomacy-Dominated Policy Ignores Growing Russian Danger. BY: Bill Gertz May 23, 2016, (<http://freebeacon.com/national-security/obamas-diplomacy-dominated-policy-ignores-growing-russian-cyber-danger/>).

ООН 53/70 была принята без голосования 4 декабря 1998 г. В окончательно принятом документе, в отличие от представленного Россией проекта, не было ссылок на использование ИКТ в военных целях, определений понятий «информационное оружие» и «информационная война», упоминания о необходимости режима запрещения создания и применения информационного оружия, а также положения о сопоставимости его воздействия и ОМУ¹. Наибольшие разногласия в процессе обсуждения Резолюции возникли между представителями РФ и США.

Однако с этого времени вопросы информационной безопасности (ИБ) находятся в центре внимания ООН. В 2004 г. по инициативе России была создана Группа правительственных экспертов (ГПЭ) ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности².

В августе 2016 г. ГПЭ будет созываться уже в пятый раз (ранее в 2004, 2009, 2012 и 2014 гг.) Ее глобальной целью по-прежнему является создание универсального международного режима, регулирующего деятельность государств в мировом информационном пространстве, в частности, дальнейшая разработка и принятие Правил (Кодекса) ответственного поведения государств. Важной задачей, которую ставит российская делегация, является включение Правил в следующую Резолюцию ГА ООН по международной информационной безопасности, сделав их, таким образом, частью международного «мягкого» права.

Основы для таких добровольных Правил поведения государств были заложены в ходе работы ГПЭ ООН четвертого созыва 2014–2015 гг. Так, важными результатами ее работы стали рекомендации по устранению существующих и потенциальных угроз международному миру и безопасности от использования ИКТ государствами и негосударственными субъектами, а также пункт 12 Доклада ГПЭ о принятии Группой к сведению Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности, определяющих права и обязанности государств в информационном пространстве, предложенных в Письме постоянных представителей Казахстана, Китая, Кыргызстана, Российской Федерации, Таджики-

стана и Узбекистана при ООН в январе 2015 г. на имя Генерального секретаря³.

Новой ГПЭ в ближайшие два года нужно будет искать компромисс по целому ряду проблем, по которым у России и Запада сохраняются серьезные противоречия.

Это проблема адаптации к киберпространству существующих норм международного права. Так, в докладе ГПЭ 2013 г. было впервые заявлено, что Устав ООН применим к киберпространству, а в Докладе 2015 г. Группе представлен ряд ключевых положений о применимости к киберпространству норм международного права, в частности:

- признание суверенитета государств над ИКТ-инфраструктурой в пределах их территории;
- необходимость соблюдения в киберпространстве принципов государственного суверенитета, равенства, мирного разрешения споров и невмешательства во внутренние дела;
- признание за государствами возможности принятия неуточненных мер в соответствии с Уставом ООН в контексте киберпространства;
- призыв отказаться от использования посредников для противоправных действий в киберпространстве и от предоставления им своей территории;
- ответственность государств за противоправные действия в киберпространстве в случае, когда обвинения обоснованы и проведена надлежащая атрибуция таких действий.

Эти положения стали основой для решения более серьезных прикладных вопросов, в том числе проблемы атрибуции кибератак и согласования ответных мер на кибероперации, признанные актами применения силы (включая критерии такого признания).

Вызывать разногласия в перспективе, вероятно, будет также проблема постоянства действия Правил. Речь идет об их применимости в мирное и военное время. За разделением выступает американская сторона, а представители России считают, что Правила должны действовать постоянно без разделения на мирное и военное время, так как международное право пока не располагает необходимой терминологией.

Вопросы, связанные с содержанием и характером Правил поведения, также потребуют компро-

¹ Угрозы информационной безопасности в кризисах и конфликтах XXI века / Под ред. А.В. Загорского, Н.П. Ромашкиной. М.: ИМЭМО РАН. 2015, 151 с.

² Там же.

³ Доклад правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Организация Объединенных Наций A/70/174. Генеральная Ассамблея, Distr.: General 22 July 2015.

миссного подхода. Представители западных стран воспринимают Правила в основном в виде мер укрепления доверия и рассматривают их в максимально необязывающем формате. Российская сторона придерживается позиции, что несмотря на то что Правила будут относиться к «мягкому» праву, не должно складываться впечатление об их безнаказанном нарушении. Кроме того, со стороны США предлагается наполнить Правила в основном техническими параметрами, а в России считают, что они должны стать рамочными политическими договоренностями, чтобы обеспечить сохранение ключевого смысла целеполагания Правил, а именно – предотвращение конфликтов, а не разработка правил и норм их ведения.

Очень важной по-прежнему остается проблема понятийного аппарата. Чтобы договориться о формулировках, представленных в документах на текущий момент, тратились месяцы и годы. Поэтому позиция российской делегации заключается в том, что процессы пошагового достижения компромисса по общим вопросам и обсуждения терминологии должны идти параллельно. Однако согласование и

принятие общих терминов в перспективе, очевидно, представляется необходимым и неизбежным для выработки более конкретных двусторонних и многосторонних договоренностей.

В заключение хотелось бы отметить, что сама постановка проблемы о необходимости разработки и принятия на уровне ООН Правил поведения государств в информационной сфере уже является революционной, так как в течение многих лет казалось, что невозможно победить альтернативную точку зрения, согласно которой киберпространство не нуждается в специальных нормах международного права. При этом, несмотря на серьезные противоречия по многим вопросам между членами ГПЭ (прежде всего между РФ и США), работа Группы плодотворна и привлекает все большее внимание в мире: в этом году ГПЭ будет расширена до 25 стран (при 60 заявках из разных стран). Это доказывает осознание того факта, что ООН – это единственная глобальная площадка, на которой имеет смысл договариваться об общих правилах в трансграничном киберпространстве.

ЗОНА РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ: ГАГАУЗИЯ

Татьяна Биткова,

старший научный сотрудник ИНИОН РАН

Ключевые слова: Гагаузия, Республика Молдова, Россия, автономия, референдум, выборы

Гагаузия – крошечная территория Республики Молдова – в последнее время вызывает все больший интерес за пределами страны, частью которой является. Добившись в 1994 г. статуса автономного территориального образования, гагаузы сумели получить также особые права и привилегии. Здесь в отличие от остальной части Молдавии в качестве официальных языков кроме молдавского используются также гагаузский и русский. Непросто было этого добиться, но гагаузы сумели воплотить страстное и твердое желание выделиться, обособиться. Гагаузы – народ тюркоязычный, но с турками себя не идентифи-

цирующий, а к далеким от них в этническом отношении молдаванам они относятся настороженно. При этом, как и подавляющее большинство окружающих их молдаван, гагаузы исповедуют православие. Почему и при каких обстоятельствах гагаузы стали христианами, никто с определенностью разьяснить не может.

Не имея на протяжении веков письменности, гагаузы вместе с тем сохранили свой язык, а также самобытный культурный уклад и народное творчество, находящиеся на скрещении христианства и язычества. Среди фольклорных жанров есть и характерные для Востока. Гагаузская письменность (на основе кириллицы) была создана только в 1957 г., когда гагаузы стали гражданами СССР.

Политическая интрига этой маленькой автономии состоит в том, что Молдавия сегодня является объектом целенаправленной румынизации со стороны Бухареста, которому это весьма успешно удается. Россия, считая Молдавию исторической зоной своего геополитического интереса, не желает сближения, а тем более объединения ее с Румынией. Сама Молдавия, несмотря на прозападную и ориентированную на Румынию политику сегодняшнего руководства, пока еще достаточно русифицирована¹, и это наш козырь. Гагаузия русифицирована в значительно большей мере и, несмотря на свои малые размеры, активно сопротивляется процессу румынизации и европеизации, тем самым помогая Москве сохранить свое влияние в этом регионе.

Хотя гагаузский и молдавский являются официальными языками Гагаузии наряду с русским, практически они здесь не используются. Да это и не удивительно: детские сады – русскоязычные, обучение в школах ведется на русском, за исключением нескольких недавно созданных при поддержке Турции лицеев. В Комратском государственном университете преподавание проводится также на русском за исключением специальных предметов по гагаузской филологии и культуре. Из 30 телеканалов, транслируемых в столице Гагаузии Комрате, 28 являются российскими.

Все это не столько унаследованный от советских времен атавизм, сколько удивительный для постсоветского пространства феномен любви к России. Тюркоязычные гагаузы ощущают внутреннюю близость и причастность к нашей стране, рассматривают ее как покровителя и помощника в своем противодействии молдавским приверженцам унионизма и евроинтеграции.

В послевоенный период гагаузы, как и другие жители Молдавии, оказавшись гражданами СССР, пережили страшный голод и политические репрессии. Невольно возникает вопрос, как печальная история послевоенных лет не мешает русофильству сегодняшних гагаузов. Есть мнение, что «гагаузы лояльны России потому, что получили в основном положительный опыт во времена Российской империи и СССР, и отрицательный – в эпоху Румынии и Молдавии»².

Формально Гагаузия имеет достаточно широкие права. Ее статус закреплен Конституцией Республики Молдова, однако на практике, как полагают сами гагаузы, автономия во многом остается ограниченной. Кишинев явно хотел бы приравнять Гагаузию к другим районам. Зависимость от центральных властей, считают здесь, является главной проблемой. Автономия не имеет экономической самостоятельности и живет в основном за счет дотаций из государственного бюджета.

С 1990 по 1994 г. Гагаузия существовала в форме независимой, но непризнанной республики. Под давлением Москвы кишиневские лидеры приняли решение объявить Гагаузию автономным образованием с особыми правами. Важную роль в переговорах Комрата и Кишинева сыграла и Турция. Москва помогла Гагаузии тем, что ввела в республику в 1990 г. Болградскую дивизию, а в 1992 г. учредила миротворческую миссию на Днестре. Анкара параллельно предпринимала инициативы дипломатического характера, особенно после избрания президентом Турции Сулеймана Демиреля. В частности, в 1993 г. Демирель заявил, что если руководство Молдавии не готово предоставить гагаузам национальную территориальную автономию, то Турция признает Гагаузию в одностороннем порядке.

Несмотря на то что Гагаузия зависит от Кишинева и не имеет (что естественно) собственного внешнеполитического ведомства, она пытается активно влиять на внешнюю политику центральных властей. Главная задача комратских политиков сегодня – препятствовать сближению Кишинева как с Румынией, так и с Западом. Риторика такого рода особенно усилилась с началом украинского кризиса.

Пока прозападная часть украинского общества боролась за европейскую идею, Молдавия 29 ноября 2013 г. подписала Соглашение об ассоциации с ЕС, не испытав сильного противодействия Москвы и каких-либо серьезных внутренних конфликтов. Только Гагаузия продемонстрировала категорическое неприятие этого события. Местная администрация объявила о срочном проведении референдума, в ходе которого жители должны были выразить свое отношение к возможной интеграции Молдавии в Европейский союз. Кишинев был решительно против такого референдума. Генпрокуратура Молдавии возбудила даже уголовные дела в отношении руководства Гагаузии по ст. 352 УК Молдавии «Самоуправство». Тем не менее Международная организация по наблюдению за выборами CIS-ЕМО (Commonwealth

¹ Согласно данным переписи населения Республики Молдова за 2004 г., 5,9% населения республики являлись русскими, 11,3% считали русский язык родным языком, а 16% населения обычно общаются на русском языке.

² Страна трех городов и двадцати девяти сел (19.08.2013) // <http://blog-of-art.ru/?p=697>

of the Independent States – Election Monitoring Organization) сочла, что референдум не противоречит законодательству Молдавии, и поддержала его идею. Что касается уголовных дел в отношении руководства Гагаузии, то эта затея ничем не завершилась, зато пострадали некоторые рядовые активисты.

2 февраля 2014 г. референдум состоялся. В Кишиневе ожидали оппозиции своей проевропейской политике, но не столь решительной и единой. 98,09% участников плебисцита проголосовали за то, чтобы Гагаузия автоматически стала независимым государством в случае утраты Молдавией суверенитета, а более 97% проголосовали против вступления в ЕС и за интеграцию Молдавии в Таможенный союз. Кишинев не признал легитимность референдума. Отметим в скобках, что, согласно СМИ, финансировал этот референдум российский бизнесмен, выходец из Гагаузии Юрий Якубов.

В ЕС с обеспокоенностью восприняли итоги референдума. Местные СМИ информировали, что после его завершения в Гагаузии наблюдался невиданный до тех пор наплыв европейских чиновников.

Следующим недавним событием, в ходе которого остро проявилось противостояние пророссийского Комрата и проевропейского Кишинева, стали очередные выборы главы (башкана) автономии. Они проходили в марте 2015 г. Особенностью выборов было то, что в них не участвовала ни одна партия, ассоциирующаяся с правящим проевропейским альянсом Молдавии, это коренным образом отличало выборы-2015 от выборов-2010.

Лидеров предвыборной гонки было два: депутат парламента Молдавии Ирина Влах и лидер движения «Новая Гагаузия», мэр Комрата Николай Дудогло. Второго тура ждали все, однако в первом же туре победила Ирина Влах, что было неожиданно для многих наблюдателей. Главным предвыборным обещанием Влах было превращение Гагаузии во флагман молдавского экспорта на рынок РФ.

Москва поддерживала «железную леди Гагаузии» столь демонстративно, что в Кишиневе крайне возмутились: Влах называли «кандидатом Москвы» и грозились снять с выборов. Спонсором предвыборной кампании Влах опять называли Ю. Якубова. Прочие кандидаты также заявляли о своих пророссийских симпатиях, как, впрочем, и те, кто раньше занимал высокие должности в Гагаузии. На этот раз Москва симпатизировала Ирине Влах, хотя та вовсе не олицетворяла ради-

кальную антикишиневскую альтернативу. Западные СМИ с сожалением констатировали факт, что «в Гагаузии победила Россия», и видели в этом опасность для Европы.

Вся предвыборная кампания 2015 г. в целом характеризовалась невиданными скандалами, взаимными обвинениями и грязными технологиями, но особое место, по мнению молдавских комментаторов, здесь сыграла «рука Москвы». Действительно, российские политтехнологи сумели организовать накануне выборов настоящий фестиваль российско-гагаузской дружбы, героиней которого стала Ирина Влах.

Абсолютного единодушия у гагаузской общественности все же не было. Тем более что некоторым внимательным наблюдателям было совершенно очевидно: московский десант носил навязчивый и заказной характер, к тому же с оттенком напористой банальности.

В Румынии Кишинев обвиняли в мягкотелости, в том, что тот недостаточно серьезно относится к российскому влиянию в автономии. Как писал румынский журналист и политический комментатор К. Кымпяну, «эта тюркоязычная русофильская этническая группа используется как эффективное оружие против европейских чаяний Кишинева и для воплощения в жизнь очень актуальных экспансионистских устремлений России. Ведь она предоставляет России самый легкий путь к устью Дуная»¹.

Об этом же пишут и молдавские эксперты. «Российская Федерация, – по мнению сотрудника молдавского Института публичной политики О. Нантоя, – применяет к Молдавии другие сценарии, нежели в Украине. Речь не идет о том, чтобы посылать вежливых людей в зеленом. Речь идет о формировании российской пятой колонны, будь то на уровне центральной власти или на уровне регионов. Если изберут кандидата, который будет послушным исполнителем провокационных сценариев, которые ему будет навязывать Москва, а Кишинев останется по-прежнему парализован внутривнутриполитическим “раздраем” и отсутствием политической воли, тогда автономия может стать элементом дестабилизации»².

Россия, действительно, серьезно относится к поддержке этого пророссийского региона. В 2013 г.

¹ Câmpeanu C. Rușii înfig sulita găgăuză în coasta României // Romania libera. – Buc., 2015. – 21 mar.

² Цит. по: Северин И., Вагнер А. В Гагаузии выиграла Россия (23.03.2015) // <http://www.svoboda.org/content/article/26914497.html>

в Москве даже была учреждена Региональная общественная организация «Союз Гагаузов», призванная поддерживать исчезающую культуру этого народа, разбросанного по всему миру¹.

Как внешне выглядит Гагаузия сегодня, можно представить из фоторепортажей и путевых заметок различных журналистов. Дороги, ведущие в сторону столицы Гагаузии, свидетельствуют очевидцы, самые плохие в Молдавии. Комрат выглядит как провинциальный советский городок или просто большое село, при этом повсюду развешены политические плакаты, демонстрирующие близость к России и ее сегодняшней администрации. Органично смотрится на этом фоне памятник Ленину, уютно примостившийся возле елей перед скромным зданием Народного собрания.

Тем не менее нельзя не заметить и турецкого влияния в этом «оазисе советскости». Стамбул всемерно поддерживает Гагаузию гуманитарной помощью, выделяя гранты для обучения гагаузской молодежи в Турции, а также расширяя деятельность по сближению культур. В Гагаузии построены мечети, растет число приверженцев ислама. Любой руководитель из Турции при посещении Молдавии обязательно приезжает в Гагаузию. С октября 2015 г. СМИ регулярно сообщают, что в Комрате ожидается открытие почетного консульства Турции, которое позже планируется преобразовать в полноценное представительство. Вообще ощущение улицы, бытовых сцен, облик людей старшего поколения навевают у путешественников, сторонних наблюдателей ассоциации именно с восточным, тюркским миром.

Все же большинство гагаузов связывают свое будущее с Россией. Это очевидно даже из уличных интервью. Хотя, конечно, не все так однозначно. Внутреннюю двойственность сегодняшней гагаузской политики увидела румынская журналистка Е. Думитру. Она отмечает, что гагаузы придерживаются политики, которую обычно проводят малые государства, вынужденные дружить со всеми большими соседями. «Они спекулируют идеей национальной идентичности, но между собой чаще говорят по-русски. Они гордятся своим знанием русского языка и свои будущие планы связывают с Россией. Вместе с тем они пользуются деньгами, которые предос-

тавляет Турция, и обращаются к Евросоюзу и США, когда речь идет о соблюдении их прав»².

Гагаузы известны как народ традиционный, трудолюбивый, внешне спокойный, но периодически обуреваемый взрывоопасными эмоциями: говорят, что молдаване называют их «дагестанцами», они кажутся молдаванам диковатыми разбойниками. Простодушный простак гагауз – постоянный персонаж молдавских анекдотов.

Что касается политики, то очевидно: оказавшись на скрещении геополитических интересов, гагаузы проявляют твердость в своих предпочтениях. Сегодня из них выдвинулась целая когорта ярких политических деятелей, которые, соревнуясь в тактических хитростях для своего продвижения во власть, будоражат умы простых сограждан, обещая им лучшую жизнь. Россия им представляется «манной небесной», а румыны – злокозненными врагами. Пользуясь российской поддержкой, они отстаивают автономию, наиболее радикальные из них грозят Кишиневу отделением и объявлением независимости в случае его дальнейшего сближения с Бухарестом. При этом взаимоотношения внутри политической элиты крайне сложны, и это не исключает скрытого продвижения интересов Кишинева. Тем более что многое завязано на бизнес-интересах как самих политических игроков, так и на их связях с различными финансовыми структурами и Молдавии, и России.

В то время как румынские политики расценивают сегодняшнюю Гагаузию как плацдарм исторически неоправданного российского влияния и опасаются трансформации ее в «русский анклав» наподобие Приднестровья, а европейские аналитики рассуждают об опасности превращения автономии в новый Крым, Россия продолжает целенаправленно поддерживать Гагаузию в ее симпатиях к Русскому миру.

¹ Всего в мире насчитывается около 250 тыс. человек, идентифицирующих себя с гагаузами, 150 тыс. из них проживает в Молдавии.

² Dumitru E. Găgăuzia, singurul loc în care oamenii chiar cred în unirea dintre România și Moldova (28.11.2014): // adevarul.ro/news/societate/reportaj-gagauzia-singurul-loc-oamenii-cred-unirea-romania-moldova-i-a-speriat-presedintele-uneste-gagauzi-1_54781be6a0eb96501e28d688/index.html

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д-р полит. наук Д.В. Ефременко

Д-р полит. наук А.И. Никитин

Канд. истор. наук А.В. Загорский

Главный редактор – канд. истор. наук Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:

http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков : 55 (на конец 2015)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-2172